

В.А. Гольцев

**Законодательство и нравы в
России XVIII века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
В11

В11 **В.А. Гольцев**
Законодательство и нравы в России XVIII века / В.А. Гольцев – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 202 с.

ISBN 978-5-518-06387-7

Издание 2

ISBN 978-5-518-06387-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ваго, однимъ словомъ явился ребенкомъ, ребенкомъ чрезвычайно способнымъ, воспріимчивымъ, но ребенкомъ, для котораго наступила пора ученія, пора подражанія,—ибо что такое ученіе, какъ не подражаніе“? Но и въ ребенкѣ воспитатель находитъ инстинкты и способности, съ которыми необходимо считаться; тѣмъ болѣе затрудненій возникаетъ для правительства, которое принимаетъ на себя отвѣтственную задачу перевоспитывать народъ съ долгимъ историческимъ прошлымъ. Болтинъ справедливо замѣтилъ, что „исправляя обычаи и нравы, должно быть весьма осторожну; надобно имѣть великое познаніе человѣческаго сердца“.

Въ первой главѣ моей книги приведены теоретическія соображенія, которыя легли въ основу изслѣдованія. Во второй—представлена характеристика нравовъ русскаго общества при Петрѣ Великомъ; въ третьей—такая же характеристика за время царствованія преемниковъ перваго императора до Екатерины второй; въ четвертой характеризуются нравы въ управленіе этой послѣдней императрицы. Глава пятая посвящена обзору нашего законодательства съ *Уложенія* до конца прошлаго столѣтія, а глава шестая заключаетъ въ себѣ общія соображенія и выводы.

Приступая къ собиранію и разработкѣ историческихъ данныхъ, я былъ предубѣжденъ въ пользу такъ называемаго петербургскаго періода нашей исторіи. Дѣятельность Петра Великаго и шедшихъ по его слѣдамъ русскихъ правителей XVIII вѣка представлялась мнѣ гораздо болѣе благотворною, чѣмъ это оказалось для меня по окончаніи моего труда.

Изложеніе книги я старался по мѣрѣ возможности сжать, памятуя завѣтъ великаго мыслителя: „Il ne faut pas toujours tellement épuiser un sujet qu'on ne laisse rien à faire au lecteur. Il ne s'agit pas de faire lire, mais de faire penser“.

Предисловіе ко второму изданію.

Первое изданіе этой книги вышло въ 1886 году. За десять лѣтъ появились, конечно, и новыя изслѣдованія, и новыя матеріалы по исторіи XVIII вѣка. Много интереснаго для пониманія петровскихъ преобразованій вообще петербургскаго періода нашей исторіи читатель найдетъ въ трудахъ И. И. Дитятина (*Статьи по исторіи русскаго права*), П. Н. Милюкова (*Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго*), А. Н. Филиппова (*О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформою и Исторія Сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета*), Д. А. Корсакова (*Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка*), и др. Ознакомленіе съ этими трудами и съ новыми матеріалами укрѣпило во мнѣ увѣренность въ правильности тѣхъ взглядовъ, къ которымъ я пришелъ въ своей работѣ.

Во второмъ изданіи прибавлены мои возраженія А. Н. Пыпину и г. Чечулину на ихъ критическія статьи о моей книгѣ.

В. Г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вопросъ о вліяніи законодательства на нравы, правительства на народъ, давно уже составляетъ предметъ многосторонняго и тщательнаго изученія. По мнѣнію однихъ мыслителей, вліяніе это очень велико и рѣшаетъ даже участь народа; другіе писатели утверждаютъ противоположное, доходя до отрицанія всякаго благотворнаго значенія за правительствомъ, которое пытается быть самостоятельнымъ факторомъ въ историческомъ развитіи. Въ прошломъ столѣтіи мысль о всемогуществѣ законодательства получила особенно широкое распространеніе. Характернымъ представителемъ этого взгляда является Гельвеціусъ. Знаменитый энциклопедистъ считаетъ законодательство причиною общественныхъ пороковъ и ему же приписываетъ силу высоко поднять нравственный уровень народа. Народныя массы, говоритъ Гельвеціусъ, приводятся въ движеніе лишь законодательствомъ. Законодатель подобенъ ваятелю: какъ этотъ послѣдній изъ куска дерева можетъ создать статую бога или скамейку, такъ и законодатель образуетъ по своей волѣ героевъ, геніевъ, добродѣтельныхъ людей. Но для этого необходимо знать сердце человѣческое. Все искусство законодателя заключается въ томъ, чтобы побудить людей, изъ любви къ самимъ себѣ, быть всегда справедливыми по отношенію къ другимъ. Мудрое законодательство, связывающее личные интересы съ общественнымъ благомъ, несокруσιμο. Но возможно ли подобное законодательство? спрашиваетъ Гельвеціусъ и даетъ утвердительный отвѣтъ: развитіе идей, поступательный ходъ цивилизаціи обезпечиваетъ осуществимость идеальныхъ законовъ, проникнутыхъ нравственнымъ началомъ. Во всякомъ случаѣ преобразованіе нравовъ должно начинаться съ преобразования законовъ. Вознагражденія, наказанія, слава и безчестіе, которыя находятся въ распоряженіи правителей страны, при разумномъ пользованіи ими, всегда создадутъ даровитыхъ людей для

каждой отрасли общественной дѣятельности, всегда приведутъ къ общественному благу ¹⁾. Въ противоположномъ случаѣ, когда правители преслѣдуютъ своекорыстныя цѣли или когда неудовлетворительна самая форма правленія, нравы народа терпятъ въ сильной степени и могутъ быть извращены въ конецъ. ²⁾

Несчастье и отдѣльныхъ людей, и народовъ, говоритъ Гельвеціусъ въ другомъ мѣстѣ, зависитъ не отъ одного несовершенства законовъ, но и отъ слишкомъ неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ ³⁾. Французскій мыслитель не рассчитываетъ на возможность мгновеннаго пересозданія законовъ и нравовъ: истина движется медленно, говоритъ онъ. Не слѣдуетъ кромѣ того забывать, что человѣкъ получаетъ двойное воспитаніе: въ дѣтствѣ онъ воспитывается семьей, наставниками; въ юности на воспитаніе дѣйствуютъ форма правленія и общественныя нравы. Если начала обоихъ этихъ видовъ воспитанія противорѣчатъ другъ другу, то первое воспитаніе, въ возрастѣ дѣтства, не будетъ имѣть никакого значенія ⁴⁾.

Противъ мнѣнія, которое защищалъ Гельвеціусъ, въ наше время выступаютъ выдающіеся писатели. Бокль, напримѣръ,

¹⁾ «Les vices d'un peuple sont, si j'ose le dire, toujours cachés au fond de sa législation: c'est là qu'il faut fouiller pour arracher la racine productive de ses vices». (*Oeuvres complètes d'Helvétius*, 1818, *De l'esprit*, 141—142). «La masse d'une nation n'est jamais remuée que par la force des lois»; «c'est par la réforme des lois qu'il faut commencer la réforme des moeurs» (ibid. 145). «Tout l'art du législateur consiste donc à forcer les hommes, par le sentiment de l'amour d'eux-mêmes, d'être toujours justes les uns envers les autres» (ibid., 216—218). «Toute sage législation qui lie l'intérêt particulier à l'intérêt public et fonde la vertu sur l'avantage de chaque individu, est indestructible». (*De l'homme*, 500—501). (Сравн. *De l'esprit*, 159, 201).

²⁾ При такихъ условіяхъ Гельвеціусъ требуетъ прежде всего измѣненія формы правленія. «Faute de cette vue, le fameux czar Pierre n'a peut être rien fait pour le bonheur de sa nation». (*De l'esprit*, ch. XVIII, *Principaux effets du despotisme*, 357).

³⁾ *De l'homme*, 430.

⁴⁾ «L'homme reçoit deux éducations: celle de l'enfance; elle est donnée par les maîtres; celle de l'adolescence; elle est donnée par la forme du gouvernement ou l'on vit et les moeurs de sa nation. Les préceptes de ceux parties de l'éducation sont-ils contradictoires: ceux de la première sont nuis». (*De l'homme*, 595). «Propose-t-on, dans un gouvernement vicieux un bon plan d'éducation: les préceptes de cette éducation nouvelle sont-ils en contradiction avec les moeurs et le gouvernement; ils sont toujours réputés mauvais». (ibid., 598).

утверждаетъ, что „стараться измѣнить извѣстныя мнѣнія посредствомъ законодательства—дѣло болѣе нежели бесполезное. Подобныя усилія не только остаются тщетными, но вызываютъ реакцію, которая придаетъ этимъ мнѣніямъ больше прочности, нежели они могли бы когда либо имѣть. Сперва измѣните понятія людей, а потомъ можете измѣнять законы“¹⁾. „Никакая реформа, утверждаетъ Бокль далѣе, не можетъ принести дѣйствительнаго блага, если она не является дѣломъ общественнаго мнѣнія и если народъ самъ не беретъ на себя инициативу ея проведенія“²⁾. Но англійскій историкъ, отрицая у законодательной власти значеніе въ добромъ смыслѣ, настаиваетъ на томъ, что правительственное вмѣшательство можетъ принести большой вредъ народному развитію. „Такъ какъ ни одно изъ европейскихъ правительствъ, говоритъ Бокль, не сознавало своихъ настоящихъ границъ, то очевидно, что они нанесли значительный вредъ своимъ подданнымъ, хотя это почти всегда дѣлалось съ лучшими намѣреніями“³⁾. Эта мысль развивается въ сочиненіи, и Бокль доказываетъ, что усиленіе лицемѣрія, напримѣръ, есть необходимое послѣдствіе назначенія какого либо наказанія за выраженіе личнаго мнѣнія, что большинству бываетъ трудно сопротивляться искушенію со стороны правительства, и т. д. Все, что можетъ сдѣлать правительство,—по мнѣнію англійскаго мыслителя, заключается въ возможности „доставить удобства развитію, а само развитіе зависитъ отъ другихъ причинъ“. „Мы можемъ благодарить отдѣльныхъ законодателей,—читаемъ мы на страницѣ 204-й первой части его знаменитаго сочиненія,—но не за что благодарить все сословіе законодателей: потому что, если самыя важныя улучшения въ законодательствѣ суть отмѣны прежнихъ законовъ, то ясно, что перевѣсъ добра не на ихъ сторонѣ“.

Въ большинствѣ случаевъ писатели, касавшіеся вопроса о вліяніи законодательства на нравы, какъ историки, такъ и юристы, признаютъ взаимодѣйствіе между этими двумя факторами, причѣмъ одни придаютъ преобладающее значеніе

¹⁾ *Исторія цивилизаціи въ Англійи*, переводъ Бестужева-Рюмина и Тиблена, изд. 2-ое II, 105.

²⁾ *Ibid.*, 118. Еще Вильгельмъ Гумбольдтъ въ своемъ *Опытѣ о границахъ государственной дѣятельности* возставалъ противъ полицейскаго воздѣйствія на нравы.

³⁾ *Ibid.*, I, 208.

первому изъ нихъ (меньшинство), другіе отводятъ главное мѣсто второму (большинство). Намъ извѣстно только одно сочиненіе, посвященное теоретической и исторической разработкѣ исключительно этого вопроса, — книга Маттера: *О вліяніи нравовъ на законы и о вліяніи законовъ на нравы* ¹⁾. Подъ нравами авторъ разумѣетъ съ одной стороны всѣ вообще вкусы и навыки, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего народа, а съ другой стороны, въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, *степень нравственности (degré de moralité)*. Множество причинъ дѣйствуютъ на образованіе нравовъ, и въ ихъ числѣ видное мѣсто, говоритъ Маттеръ, занимаютъ законы данной страны, которые, однако, существенно отличаются отъ нравовъ, потому что мало обращаютъ вниманія на отдѣльную личность, имѣя въ виду общество, жертвуя частными интересами ради интересовъ общественныхъ. Поэтому наши нравы могутъ быть плохими, не возбуждая въ насъ самихъ никакого неудовольствія, и если законодатель имѣетъ намѣреніе измѣнить ихъ, то онъ долженъ поступать осторожно, приспособляя самыя измѣненія къ существующимъ нравамъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ можетъ встрѣтить рѣшительное противодѣйствіе. Такъ какъ наши нравы — это мы сами ²⁾, то слѣдуетъ, чтобы законы были возможно вѣрнымъ выраженіемъ этихъ нравовъ. Это налагаетъ на законодателя заботливую осторожность: онъ не долженъ забывать, что самыя совершенныя законы могутъ быть нерѣдко самыя дурными, какіе только можно дать извѣстному народу ³⁾. Только добрыя нравы могутъ обусловливать добрыя законы, говоритъ Маттеръ, но въ подтвержденіе этой мысли приводитъ соображеніе, которое свободно отъ такой односторонней точки зрѣнія: законодательство Ликурга, утверждаетъ авторъ, удержалось, благодаря нравамъ, которые оно встрѣтило, *и благодаря нравамъ, которые оно образовало* ⁴⁾. Законы, по ихъ природѣ, болѣе постоянны, нежели нравы, и чѣмъ меньше законовъ,

¹⁾ *Matter: De l'influence des moeurs sur les lois et de l'influence des lois sur les moeurs, 1832. Ср. Dumarsais: Essai sur les préjugés, ou de l'influence des opinions sur les moeurs et sur le bonheur (перое изданіе 1750 года).*

²⁾ „Nos moeurs, c'est nous-mêmes sentant, pensant, agissant“, etc.

³⁾ *Matter, 12—13, 15, 23, 25.*

⁴⁾ „La législation de Lycurgue s'est maintenue, grâce aux moeurs qu'elle a rencontrées et grace à celles qu'elle a formées.“ (Ibid., 99). Ср. 93.

тѣмъ лучше, тѣмъ больше простора для нравственныхъ достоинствъ. Рѣдко бываетъ, чтобы законы были хороши, когда нравы плохи; но и въ такихъ случаяхъ хорошіе законы мало полезны, болѣе раздражая умы, чѣмъ исправляя ихъ ¹⁾. Однако, съ теченіемъ времени, законы образуютъ въ обществѣ привычки, т. е. формируютъ нравы ²⁾. Поэтому и образъ правленія имѣетъ благотворное или пагубное вліяніе на общественные нравы ³⁾. Сами по себѣ добрые нравы не въ состояніи бороться съ дурными, и на помощь первымъ должно придти законодательство, устраняя наиболѣе тяжелыя опасности, наиболѣе грубые соблазны. Являясь въ общемъ выразителемъ нравственного состоянія общества, законодательство должно опережать его, опираясь на господствующія стремленія, на руководящія народомъ идеи. Только при этомъ условіи законъ можетъ оказать благотворное вліяніе на общественные нравы. Необходимо помнить при этомъ, что экономическая нужда парализируетъ лучшія мѣропріятія, что для устранения этой нужды, губительно отражающейся на нравственности населенія, недостаточно самага широкаго развитія благотворительности ⁴⁾.

Свои соображенія Маттеръ подкрѣпляетъ историческими примѣрами. Многіе другіе писатели также ссылаются на исторію, когда желаютъ доказать вліяніе нравовъ на законодательство и форму правленія или, наоборотъ, вліяніе формъ государственнаго устройства и законодательной дѣятельности

¹⁾ Это не мѣшлетъ Маттерю поддерживать мысль о великомъ вспомогательномъ значеніи законовъ въ дѣлѣ смягченія и вообще улучшенія нравовъ: „les lois peuvent seconder puissamment les moeurs. Elles font mieux, elles les polissent“. (235).

²⁾ „On l'a bien dit: les lois, à la longue, forment les moeurs, c'est-à-dire les habitudes.“ (153). Ср. 122, 135, 139, 147. Далѣе Маттеръ говоритъ, что улучшеніе дурныхъ нравовъ законодательнымъ путемъ встрѣчаетъ чрезвычайныя затрудненія (169); онъ понапрасну ищетъ въ гѣтоищихъ челоувѣчества законовъ, которые преобразовали бы развращенные нравы (438). Ср. *Дюмагсе* (изд. 1822), стр. 111, 129, 130

³⁾ „La monarchie absolue exerce sur les moeurs une influence profondément corruptrice.“ (Ibid., 181). Ср. 184: „et tel est le caractère moral de la monarchie constitutionnelle, ou républicaine, que les institutions, si elles valent mieux que les moeurs, élèvent celles-ci à elles, ou subissent leur action“. *Дюмагсе*, 133, 135. Ср. *Бэнъ: Логика общественныхъ наукъ*, русск. переводъ, 19, 28.

⁴⁾ Ibid., 237—238, 244, 247, 258. „Pour exercer de l'influence sur les moeurs la législation a besoin d'être progressive, c'est-à-dire de se mettre à la hauteur des moeurs.“ (259).

правительства на измѣненіе общественныхъ нравовъ¹⁾. Эти ссылки, однако, не представляютъ, по нашему мнѣнію, достаточной убѣдительности. Сколько бы мы ни громоздили фактовъ, никакого научнаго вывода изъ нихъ мы получить не въ состояніи, вслѣдствіе крайней сложности и перекрестнаго вліянія тѣхъ дѣятелей, которыми обуславливается историческая жизнь. Одновременно съ законодательствомъ страны на преобразование нравовъ даннаго народа дѣйствуетъ множество

¹⁾ Напримѣръ, Маттеръ утверждаетъ, что Лудовикъ XIV измѣнилъ нравы французскаго общества («il fit des moeurs nouvelles»), наложивши личный отпечатокъ первоначально на дворъ, а черезъ его посредство на остальное общество (64—65). *Лекки (Lesky: History of european morals, second edition)* прямо признаетъ вліяніе учреждений на нравственный строй народной жизни: «In Rome, however, there were three great causes which impeded the normal development — the Imperial system, the institution of slavery, and the gladiatorial shows» (I. 272). Ср. «Not unfrequently too, by a curious moral paradox, political crimes are closely connected with national virtues. A people who are submissive, gentle and loyal, fall by reason of these very qualities, under a despotic government: but this uncontrolled power has never failed to exercise a most pernicious influence on rulers, and their numerous acts of rapacity and aggression being attributed in history to the nation they represent, the national character is wholly misinterpreted» (Ibid., 159). Токвилль выражается не совсемъ опредѣленно о вліяніи законодательства на нравы, то не придавая ему большаго значенія, то, на оборотъ, отводя ему роль главнаго фактора въ народномъ развитіи: «Je suis convaincu que la situation la plus heureuse et les meilleures lois ne peuvent maintenir une constitution en dépit des moeurs, tandis que celles-ci tirent encore parti des positions les plus défavorables et des plus mauvaises lois. L'importance des moeurs est une vérité commune à laquelle l'étude et l'expérience ramènent sans cesse. Il me semble que je la trouve placée dans mon esprit comme un point central, je l'aperçois au bout de toutes mes idées» (*Tocqueville: De la démocratie en Amérique, seizième édition, II 246*); «j'ai dit que le succès des institutions démocratiques aux Etats-Unis tenait aux lois elles mêmes et aux moeurs plus qu' à la nature du pays» (ibid., 247). Ср.: «Le despotisme, qui, de sa nature, est craintif, voit dans l'isolement des hommes le gage le plus certain de sa propre durée, et il met d'ordinaire tous ses soins à les isoler. Il n'est pas de vice du coeur humain qui lui agréé autant que l'égoïsme: un despote pardonne aisément aux gouvernés de ne point l'aimer, pourvu qu'ils ne s'aiment pas entre eux» (Ibid., III, 168). «Le despotisme, qui est dangereux dans tous les temps, est donc particulièrement à craindre dans les siècles démocratiques» (Ibid., 169). Лоранъ находитъ, что могущество государства особенно обнаруживается въ дѣятельности правосудія («La puissance de l'Etat se manifeste surtout dans l'action de la justice sociale», *Laurent: Etudes sur l'histoire de l'humanité, deuxième édition, V, 37*). Гербертъ Спенсеръ приводитъ много случаевъ бесилія законодательныхъ предписаній англійскаго правительства (*Описательная социологія, переводъ проф. Лучицкаго, 165, 167, 169, 170, 195*).

другихъ причинъ, а самые нравы служатъ источникомъ законодательныхъ опредѣленій, содѣйствуютъ ихъ торжеству или лишаютъ ихъ практическаго значенія. Необходимо прибѣгнуть къ дедуктивнымъ построеніямъ, чтобы разобратъся въ массѣ явленій и пріобрѣсти правильную точку опоры при опѣнкѣ историческихъ фактовъ. Въ этомъ отношеніи мы находимъ драгоцѣнныя указанія въ *Системѣ логики* Д. С. Милля. Въ главѣ объ этологіи или наукѣ объ образованіи характера знаменитый мыслитель высказываетъ соображенія, благодаря которымъ возможно дать вѣрную постановку и подойти къ разрѣшенію вопроса о вліяніи законодательства на общественные нравы. „Достовѣрно, говоритъ Д. С. Милль, что наши душевныя состоянія и наши душевныя способности и воспріимлемости видоизмѣняются, на время или навсегда, каждою вещью, случающеюся съ нами въ жизни“. То же происходитъ и съ цѣлымъ народомъ. „Характеръ націи обнаруживается въ ея дѣйствіяхъ, какъ націи (не столько въ дѣйствіяхъ ея правительства, такъ какъ они сильно подчиняются вліяніямъ другихъ причинъ); въ ходячихъ народныхъ правилахъ и другихъ признакахъ главнаго направленія общественнаго мнѣнія; въ характерѣ лицъ или сочиненій, которыя пользуются постояннымъ уваженіемъ или удивленіемъ; въ законахъ и установленіяхъ, на сколько они составляютъ дѣло самой націи или признаются и терпятъ ею, и т. д. Но и здѣсь остается широкое поле для сомнѣній и неизвѣстности“. Законы образованія характера — производные законы, которые вытекаютъ изъ общихъ законовъ души. Ихъ можно получить путемъ вывода изъ этихъ послѣднихъ, „предположивши нѣкоторый данный рядъ обстоятельствъ и потомъ соображая, каково должно быть, по законамъ души, вліяніе этихъ обстоятельствъ на образованіе характера“. Конечно, до точныхъ выводовъ, которые можно было бы сравнивать съ законами естественныхъ наукъ, наукамъ общественнымъ очень далеко; „но, замѣчаетъ Милль, мы должны помнить, что извѣстная степень знанія, еще весьма далекая отъ возможности предсказанія, часто имѣетъ большое практическое значеніе. Можно имѣть большое вліяніе на явленія при весьма несовершенномъ познаніи причинъ, которыми они опредѣляются въ каждомъ данномъ случаѣ. Довольно того, если мы знаемъ, что извѣстныя средства имѣютъ *стремленіе* производить данное дѣйствіе и что другія имѣютъ стремленіе его уничто-

жить". Милль отмѣчаетъ чрезвычайно важную роль, которую играло и играетъ въ исторіи меньшинство, благодаря сильному развитію среди него умственной дѣятельности. Онъ говоритъ даже, что эта дѣятельность „есть главная опредѣляющая причина общественнаго прогресса“. „Состояніе умозрительныхъ способностей,—читаемъ мы далѣе ¹⁾—характеръ предложеній, признаваемыхъ умомъ, существеннымъ образомъ опредѣляетъ нравственное и политическое состояніе общества, такъ же, какъ оно опредѣляетъ и его физическое состояніе“. Вліяніе меньшинства, группы наиболѣе просвѣщенныхъ, даровитыхъ и энергичныхъ людей особенно значительно въ опредѣленіи *скорости* общественнаго движенія, но существованіе великихъ людей, утверждаетъ Милль, часто рѣшаетъ даже и то, будетъ ли прогрессъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и такого соображенія: „Ни правительство, ни мыслители не достигаютъ всего, къ чему стремятся; но въ вознагражденіе за это они часто производятъ важные результаты, которыхъ ни малѣйшимъ образомъ не предвидѣли“.

Опираясь на авторитетъ Д. С. Милля, мы рѣшаемся представить нѣсколько дополнительныхъ соображеній къ тѣмъ взглядамъ, которые развиваются въ *Системѣ логики*. Правительство каждой страны (за исключеніемъ случаевъ завоеванія, а также неожиданнаго и кратковременнаго захвата власти) опирается на большинство населенія или на меньшинство, но организованное лучше и крѣпче народныхъ массъ. При этомъ происходитъ „естественный подборъ“ въ личномъ составѣ управляющихъ, благодаря которому правители (высшіе и находящіеся отъ нихъ въ зависимости низшіе) выдѣляются, съ болѣею или менѣею опредѣленною, въ особую группу. Если правительство выборное, то указанный процессъ затрудняется, а въ извѣстныхъ случаяхъ становится почти невозможнымъ; но случаи послѣдняго рода составляютъ въ исторіи рѣдкое исключеніе. Власть очень часто приписывается божественное происхожденіе, на ней часто лежитъ религіозное освященіе, и поэтому каждый актъ правительства окруженъ въ глазахъ народныхъ массъ особымъ обаяніемъ, которое усиливается іерархическою организаціею управления. Съ теченіемъ времени правительственный авторитетъ увеличивается привычкою ему подчиняться, историческимъ преданіемъ, ко-

¹⁾ Система логики, II, 479; ср. *Бэнъ* (логика общ. наукъ), 16—18.